

З. М. КОБОЗЕВА

«АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК» РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ В МЕЩАНСКИХ СЕМЬЯХ

Статья посвящена проблеме эмоционального переживания родительской любви в мещанских семьях второй половины XIX века. Анализируется связь образа мещанства в русской классической литературе и общественной мысли с культурой чувств данного сословия, имплицитно присутствующей в «диалоге с властью».

Ключевые слова: история эмоций, мещанское сословие, родительская любовь, провинциальный город, семья.

---

*«Государь ты мой батюшка родимый!
Не вози ты мне золотой и серебряной парчи,
ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого,
ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального,
а привези ты мне аленький цветочек,
которого бы не было краше на белом свете»
(С.Т. Аксаков)*

Среди целого спектра различных видов «дискриминаций», связанных с историей мещан в России, особое место занимает негласное изъятие права на «настоящую» любовь у представителей данной сословной группы. Даже наступившая в историографии эпоха исследовательской «реабилитации» мещанства¹, с особым интересом обратившаяся к анализу внутрисемейного быта городских обывателей, не затрагивает их любовные переживания, ограничиваясь констатацией: «отношения в семье в основном оставались патриархально-авторитарными»².

Мещанская любовь не воспета в художественной литературе, пожалуй, за исключением достаточно вялого чувства Молотова в повести Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье»³. В русской поэзии стихотворение А. Кольцова «Мещанская любовь» («Забудь презренного скорей; / А я найду, поверь, другую / Себе красавку городскую / Тебя моложе и милей») семантически определяет дискурс чувств, на которое способны представители данной страты, вылившийся в позднейший период в карикатурный любовный образ «мещанских переживаний» в стихотворениях С. Чёрного: «Я имел для души / Дантистку с телом белее известки и мела, / А для тела - / Модистку с удивительно нежной душой»⁴.

---

¹ Бухараев. 2000.

² Гончаров, Чутчев. 2004. С. 126.

³ Помяловский. 1981.

⁴ Чёрный С. Ошибка.

И, наконец, между фольклором и литературой расположен жанр русского мещанского романа, который также в определённой степени повинен в формировании образа мещанской любви. Как считают некоторые исследователи, мещанский роман не отличается высокими эстетическими достоинствами⁵. Ему свойственен «своеобразный эмоциональный настрой, который можно условно обозначить словом «надрыв». Надрыв – это не просто минорность, не просто трагичность – это чувство очень сильное, оголенное, нарочито выставляемое и в то же время грубое и примитивное; не столько слезливость, сколько смакование слезливости: *«И ничто меня в жизни не радует/ И не манит в поля и луга,/ Только слезы на грудь мою капаят,/ только манит сырая земля/ Все уже пережито,/ А мне семнадцать лет./ Вся жизнь моя разбита,/ В любви пощады нет...»*⁶. Апогеем пародии на мещанскую любовь становится знаменитое стихотворение В. Маяковского «Маруся отравилась»: *«Из тучки вылез месяц / молоденький такой / Марусяка отравилась / везут в приём-покой / Понравился Марусяке / Один с недавних пор / нафабранные усики / расчёсанный пробор / Он был монтёром Ваней/ но... в духе парижжан / себе присвоил звание: / «электротехник Жан» / Он говорил ей часто / Одну и ту же речь: / Ужасное мещанство / невинность зря беречь...»*⁷.

Сразу следует оговориться, что в контексте русской культуры напрасный труд проводить водораздел между мещанством как сословием и мещанством как определённым типом духовности и текстом поведения: как сиамские близнецы, с помощью великой русской литературы и интеллектуальной мысли, срослись эти понятия и стали двумя сторонами одной медали, «отчеканенной» советской программой конструирования классовой идентичности и «доведённой до блеска» многолетней и многотрудной борьбой с мещанством.

Родительская любовь в мещанской среде так же глубоко сокрыта за образами «юных Бессемёновых» в пьесе М. Горького «Мещане». *«А вы никакого внимания на отца своего не обращаете... никогда не поговорите с ним ласково, никогда не скажете, какими думами заняты, что делать будете? Я вам – как чужой...»*, – сетует Василий Васильевич своим детям, которые, как и герои Помяловского, стремятся оторваться от мещанской среды, подняться над своей социальной средой. В исторических исследованиях родительская любовь в мещанских семьях также не выделяется в качестве предмета мещанской рефлексии, так, например, В.С. Чутчев и Ю.М. Гончаров в своём исследовании мещан-

⁵ Кофман. С. 222.

⁶ Там же. С. 223.

⁷ Маяковский. Маруся отравилась («Из тучки месяц вылез...»).

ской семьи Западной Сибири отмечают, что «главной особенностью провинциальных городских семей середины XIX в. являлась патриархальность внутрисемейных отношений»⁸, а про любовь – ни слова.

Одним из первых к анализу эмоциональной сферы жизни русских горожан обратился А.И. Куприянов в статье, опубликованной в сборнике «Человек в мире чувств»⁹. В более поздней монографии «Городская культура русской провинции» (в главе «Чувства и представления русских горожан»), он рассматривает такую категорию как «счастье», под которым во многих случаях понимается именно семейное счастье. В частности, Куприянов пишет: «Для молодого Фёдора Васильевича Чижова счастье – категория, применимая лишь к ...интимным переживаниям, связанным исключительно с восприятием семейных отношений, любви и секса»¹⁰. Автор одного дневника видит препятствие в отношениях с девушкой в том, что в её семействе нет «семейной привязанности», но под «семейной привязанностью» он понимает не столько «любовь», сколько «тягу провинциала к патриархальности домашнего уклада и стремление обрести комфортную социальную среду посредством родственных связей»¹¹.

В книге проводится водораздел между представлениями о счастье «интеллектуалов» и «мещанским счастьем». Репрезентация мещанского счастья основывается на дневниках купцов и мещан. С одной стороны это вполне правомерно, так как социальный статус мещан и купцов третьей гильдии был достаточно близок, термин «мещане» мог использоваться как собирательный для обозначения купеческо-мещанского сообщества города, и, тем не менее, интересно, отличались ли представления о счастье у купцов и мещан в рассматриваемый период или же их рефлексию возможно объединить понятием «мещанское счастье». По сравнению с «интеллектуалами», переживания купца Медведева, более надрывны, эмоционально взвинчены, как и эмоциональный фон «мещанского романса» по сравнению с русским классическим романсом. Купец пишет о том, что его «сердце готово изливаться во всех оттенках любви родственной»¹². В качестве доказательства того, что «среди благ земных семья занимала исключительное место в системе жизненных ценностей русских горожан», Куприянов обращает внимание на организацию записей в семейном синодике тверских купцов Блиновых¹³.

⁸ Гончаров, Чутчев. 2004. С. 126.

⁹ Куприянов. 2000.

¹⁰ Куприянов. 2007. С. 431.

¹¹ Там же. С.433.

¹² Там же. С.439.

¹³ Куприянов. 2007. С. 440.

Так как нас в рамках данной статьи интересует более узкая тема любви во взаимоотношениях родителей и детей в мещанстве, то особенно интересен оказывается сюжет книги, связанный с наказанием детей. В этом случае автор обращается к текстам мещанина Нечкина, который считал возможным «оказывать физическое воздействие» в воспитательных целях на своего 11-летнего сына¹⁴. Народная мудрость гласит: «Наказывай ребёнка, коль поперёк лавки лежит, а когда ляжет вдоль – поздно»¹⁵. Выражение «бьёт значит любит», как правило, относилось к взаимоотношениям мужа и жены, но в отношении детей это так же передавало смысл воспитательной парадигмы, в которой наказанию придавалось значение любви: «кто детям потакает, тот сам плачет»¹⁶. Куприянов отмечает интересный момент в семье Нечкина, когда «безответственное поведение мальчика вызывало у отца приступы ярости, которые оставляли не столько просьбы жены, сколько слёзы нежно любимой четырёхлетней дочери»¹⁷. Описывая отношение к наказаниям детей со стороны купца Медведева (не имея собственных, тот наказывал племянников), Куприянов поднимает интересную проблему переживания горожанином возможности насилия по отношению к другому человеку, в частности, к ребёнку. Истоки насилия Медведев «видит в своём детстве, в примерах, которые повседневно видел в семье родителей, воспитанных в деревне «при образцах невежества и грубости нравов»»¹⁸.

Таким образом, традиционная воспитательная парадигма, основанная на наказаниях детей побоями, постепенно начинает исчезать из жизни горожан под влиянием тех гуманистических идей, которые, подобно брошенному в воду камню, начинали распространяться в обществе от образованных слоёв населения в глубинку, в патриархальную культуру, которую олицетворяла деревня. Размышляя над этим, мы вновь оказываемся перед образами, созданными русской литературой: жизнь Алёши «в людях» (М. Горький), нянька Варька в рассказе А.П. Чехова «Спать хочется» и т.д. В этих произведениях город напротив представлялся тем местом, где «в силу юридической незащищённости дети нередко становились объектом эксплуатации, насилия и других преступных действий»¹⁹. Но, как замечательно написал в «Истории Англии» Дж.М. Тревельян в отношении XIX в. и детства: «сочувственное внимание к играм,

---

¹⁴ Там же. С. 449.

¹⁵ Русские народные пословицы и поговорки. С. 56.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Куприянов. 2007. С. 450.

¹⁸ Там же. С. 451.

¹⁹ Власов. 2001. С. 374.

фантазиям и мыслям детей было одной из лучших черт этого века, в котором многие думали о семейной жизни и воспитывали многочисленное потомство», но отметил, что «пренебрежение к детям и дурное обращение с ними исчезало с трудом...»²⁰. В русском обществе, несмотря на проникновение гуманистических идей в отношении детства, продолжали оставаться такие практики воспитания, изучая которые, специалист по истории детских самоубийств в России на рубеже XIX–XX вв. А.Б. Лярский заключает: «подавляющее большинство людей, учившихся в русских гимназиях, всё-таки выжило»²¹.

Ещё один сюжет, связанный с родительской любовью, затрагивается в исследовании А.И. Куприянова в отношении реакции родителей на смерть детей. По мнению автора, горожанин конца XVIII в. стал более эспрессивно и эмоционально переживать смерть детей, чем это происходило ранее (царь Алексей Михайлович, утешая боярина М.И. Одоевского по случаю смерти его сына, наставляет: «через меру не скорбеть... прослезитца надобно, да в меру, чтобы Бога наипачи не прогневить...»²²), что отразилось и в лексике, связанной с дискурсом детской смерти и в картине мира²³.

Взаимоотношениям родителей и детей в городских семьях провинциального Бежецка XVIII в. посвящена глава «Дела семейные» в исследовании А.Б. Каменского о повседневности русских городских обывателей²⁴. Нельзя не солидаризироваться с выбранным в качестве отправного момента высказыванием К. Фридрихса о том, что «можно документировать всевозможные формы семейного взаимодействия: мы можем найти как преданных супругов и снисходительных родителей, так и жестоких мужей, несносных жён, сварливых матерей и отцов. Но какой тип поведения был обычным, а какой – отклонением от нормы, определить трудно»²⁵. Не акцентируя внимания на эмоциональном фоне, А.Б. Каменский показывает эти разные типы поведения, в частности, обращает внимание на то, что и родители нередко страдали из-за детей: были избиваемы и «бранимы всячески»²⁶. Причём, «если родители время от времени жаловались на своих непутёвых детей, то ни одного случая жалоб детей на родителей в бежецких документах обнаружить не

---

²⁰ Тревельян. 2001. С. 570.

²¹ Лярский. 2010, С. 15.

²² Куприянов. 2007. С. 455.

²³ Там же. С. 457.

²⁴ Каменский. 2007. С. 271–291.

²⁵ Цит. по: Каменский. 2007. С. 272.

²⁶ Там же. С. 285.

удалось»²⁷. Важное замечание А.Б. Каменского касается самого процесса документирования внутрисемейных отношений через призму такой специфики русского менталитета, благодаря которой «не только власть считала себя обязанной вмешиваться в личную жизнь подданных, но и сами подданные видели во власти средство защиты и механизм регулирования их отношений с ближайшими родственниками»²⁸.

Именно поэтому при изучении эмоционального контекста взаимоотношений родителей и детей применительно к середине XIX века мы обращаемся к делопроизводственной документации, сосредоточенной в фондах городской думы и мещанской управы: мещане обращаются «во власть» с просьбами повлиять на их внутрисемейные отношения, точно так же как и в советскую эпоху на партсобраниях обсуждались публично такие вопросы семейного быта, которые в западной ментальности принято считать частной (приватной) сферой – *privacy*. Неудивительно поэтому, что зарубежные историки (Питер Гетрелл, Дэвид Мэйси, Грегори Фриз) в дискуссии вокруг монографии Б.Н. Миронова о социальной жизни в России, обращают внимание на то, что в его исследовании недостаточно затронута сфера *privacy*²⁹. Данный круг источников позволил выделить несколько сюжетов, которые иллюстрируют эмоциональный «режим» в повседневном семейном быту мещан.

«Письмо матери»

В достаточно объёмном деле распорядительной документации городской думы за 1855-57 гг., хранящейся в фонде мещанской управы, попало письмо, написанное корявым детским почерком с отнюдь не детским сюжетом (письмо приводится ниже в полном объёме с орфографией источника):

«Дрожайшая родительница и милостивая государыня маминька Анна Михайловна / свидетельствую Вам своё глубочайшее почтение / прошу я вас любезная маминька чтобы вы не отреклись наградить меня своим заочным родительским благословением которое может существовать по гроб моей жизни / Любезной моей сестрице Александре Константиновне свидетельствую я Вам глубочайшее почтение и низко склоняюсь любящим моим единоутробным братцем Якову Константиновичу / Павлу Константиновичу / Любящая маминька / Я верно знаю что вы не имея обо мне через несколько лет никакого известия и находитесь в отчаянии о моей жизни правда что я во время моего странствия претерпеваю великие нещастии но при том лишившись дрожайшего своего родителя / и придавши его земле 1836 го года января 2 дня....(неразборчиво – З.М.) /...был приве-

²⁷ Там же. С. 287.

²⁸ Там же. С. 290.

²⁹ Миронов. 2003. С. 2.

дён в худое состояние даже доходил до бешенства потому что больше думать мне другого ничего как только что я опять должен препроводить нищанскую жизнь свою в каземате если бы родитель мой был теперь в живее то может быть и я освобождён был бы... / А что теперь касается до освобождения того я не знаю потому дело моё состоит за сенатом. А в продолжении сего времени как я сижу в каземате с 1853 года марта месяца выступил из Астрахани под строжайшим караулом в ножных и ручных оковах. А на упродовольствие наказанным выдаётся в сутки 5 коп. серебром на хлеб и на привару. А одежды казённой не дают ни нитки. А хлеб здесь 12 коп. ассигнац. за фунт. И так... голодаем. И при сём случае прошу Вас Дражайшая родительница имею я крайнюю нужду в деньгах и прошу Вас покорно пришлите мне сколечко нибудь денег ещё прошу я вас любезная маминька уведомите меня насчёт моих братьев при какой должности они находятся А ещё насчёт сестрицы за кого она отдана замуж и в какое место и как ея зовут супруга и пропишите мне все обстоятельства подробно а ещё получили от моего хозяина контракт шкатулка с инструментом золотарным... ещё прошу уведомить насчёт дедушки Петра Иванова и бабушки Федосьи Степановны что они живы или нет попрошу уведомить меня но при том ещё надеюсь что буду освобождён по манифесту только затем ещё содерживаюсь под арестом пока из сената придёт моё дело / При конце сего письма писать... более неپردвижу Остаюсь жив и здоров / навсегдашний покорнейше сын Ваш / Иван Константинов Уланов / если будете писать письмо пошлите в Ставропольскую губернию в г. Кизляр Его благородию Алексею Павловичу смортителю тюремного замка с передачею Ивану Константинову Уланову /...1857 го января 27 Любезный сын Иван Уланов»³⁰.

Данное письмо, рефлексия одного исторического персонажа, представляет собой на фоне эмоционально скупой делопроизводственной документации некий «надрыв», в котором сосредоточились и тоска, и любовь, и отчаяние, и страх, своего рода «Письмо матери»: «Ты жива ещё, моя старушка? / Жив и я, привет тебе, привет...». Для изучения истории «немолчаливого» (из-за практического отсутствия так называемых эго-источников) мещанского сословия подобный документ безусловно выразителен, но приводит в «тупик» с точки зрения возможного выхода на контекст (о мещанах-девиантах и пенитенциарной системе в России) или продолжения истории (случайные письма, попавшие в делопроизводство, как правило, не имеют продолжения). Встаёт вопрос о том, как интерпретировать эмоциональный заряд данного текста. Опять-таки напрашиваются аналогии с мещанским романсом. Так же как при противопоставлении жанров «высокого» искусства и «низкого» (каким принято считать мещанский романс), как высокое и низкое противопоставляется традиционно *emotio* – *ratio*, эмоциональность мало

³⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 1404-1404 (а) (Об.).

образованных социальных слоёв и сдержанность и рационализм элит. Низкие эмоции низких сословий, не поддающиеся сдерживанию, не отточенные воспитательной парадигмой (как в дворянском сословии), могут представлять собой исследовательский интерес в отношении анализа культуры эмоционального выражения, принятой в мещанском сословии. Следует ли считать «Письмо матери» эмоциональной девиацией или же манера «громко» чувствовать как раз и была свойственна слою, породившему «мещанский романс»? И насколько эмоциональная «громкость» «мещанского романса» отличается от «громкости» романтической литературы, формировавшей чувственный мир русского дворянства первой половины XIX столетия?

Р.Г. Суни отмечал, что «данные эволюционной психологии подтверждают, что эмоции – это тот язык, без которого немислимы социальные отношения»³¹. Язык сдерживания эмоций («подавления эмоций активностью интеллекта»³²) принуждением образовательного дискурса свойственен письмам дворян-декабристов из ссылки домой. Так, например, декабрист М.Ф. Митьков из Красноярска пишет: «О моём житье-бытье скажу тебе, милый друг, что несмотря на моё болезненное состояние, затворническая жизнь моя мне не в тягость. За исключением моего доброго товарища Василия Львовича Давыдова, который меня посещает почти ежедневно, когда у него в семействе нет больных, знакомые меня посещают редко... Будучи всегда занят, скуки я не знаю... Если иногда и бывает грустно, то это происходит от тяжкой болезни...»³³. Декабризм – весьма «опасная» тема для поверхностного контент-анализа, и, тем не менее, учитывая тот факт, что «декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека... поведение значительной группы молодых людей, находившихся по своим талантам, характерам, происхождению, по своим личным и семейным связям, служебным перспективам и т.д. в центре общественного внимания, оказало воздействие на целое поколение русских людей»³⁴, можно с уверенностью констатировать, что рефлексия этого образованного слоя, выраженная как в письменной, так и в устной речи, усвоившая «формы европейской мысли и принципы формотворчества»³⁵, была вне дискурса эмоциональности городских низов, не могла себе этого позволить. Секуляризированный европейский клас-

³¹ Российская империя чувств... 2010. С. 82.

³² Там же. С. 13.

³³ Цит. по: Чернов. Сибирские письма декабриста М.Ф. Митькова...

³⁴ Лотман. 1997. С. 331.

³⁵ Овчинникова, Рожковский. 2005. С. 178.

сицизм, а затем и романтизм научил облекать эмоцию в литературные рамки. Мещане городов, очень восприимчивые к моде в любых её проявлениях, соединяли в своих эмоциональных переживаниях «романтизм, не отрывающийся от земли», слезливость сентиментального чтения, авантюризм мобильного социального слоя («бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах») и крестьянскую религиозную сдержанность («я никогда ещё не видал, чтобы большие плакали»³⁶).

Натали Дэвис в книге «Дамы на обочине» ввела понятие «маргинальное существование», подразумевая удалённость своих героинь от центров власти, образования и культуры: «скорее это было пограничное пространство между культурными слоями, которое способствовало возникновению нового и созданию удивительных гибридов»³⁷. Мещанский блудный сын, покинувший родительский кров, похоронивший отца и пишущий письмо матери, маргинален по состоянию «вырванности с корнем» и по удалённости от основного дискурса русской культуры «золотого века». В этом персонаже запечатлён знак мещанства, стремящегося вырваться из обжитого локуса на освоение новых пространств, но прикрепленного к хронотопу провинциального города, к «местечку», российским законодательством и бюрократической системой. Система поймала Ивана Константиновича Уланова. В письме к матери он взывает к тем социальным связям, которые покинул. Мы не знаем, найдёт ли он их...

Другой пример «блудного сына» не менее трагичен, но запечатлён со стороны родственников, которых покинули. Самарская мещанская семья Барышниковых разыскивала сына и брата в г. Енисейске. Михаил Николаевич Барышников уехал в Енисейск работать на золотых приисках «Купцов Рязановых, Мошарова и Ко.». Родные выслали ему полугодовой паспорт. Но вот проходит уже год – а никакой весточки от Михаила не поступает. Родные же в свою очередь понимают, что уже необходим новый паспорт, иначе могут этапом в арестантских одеждах отправить в Самару. Тогда брат Иван пишет прошение в думу с просьбой разобраться в данной ситуации, так как на его запрос в Енисейскую городскую полицию пришёл ответ, нацарапанный на письме их отца к Михаилу: «*Михайла Николаевич приказал всем своим знакомым долго жить, который уже помер как год тому назад*». Иван пишет в своём прошении: «*Я в справедливости её (приписки из Енисейска – З.К.) сомневаюсь, полагаю, что если бы он действительно помер, то хозяева его, вероятно, паспорт его, хотя и просроченный, отправили бы обратно в Думу для уничтожения*». К делу было приложено и письмо от-

³⁶ Горький. 1951. С. 10.

³⁷ Дэвис. 1999. С. 243-244.

ца (написано очень неразборчиво): «Милый сын / Во первых строках посылаю тебе своё родительское благословение которое для тебя будет полезно...Я и ...не могу понять милый сыночек почему от тебя и до сего времени не могу получить никакой весточки где ты в настоящее время служишь...Это для меня горько / Нынче... я получил сведения о тебе что ты ещё существуешь на белом свете, от Ивана Максимовича, который мне сообщил сведения о тебе, но я милый сын ни письма ни денег... от тебя.../ прошу тебя приезжай ты ради Бога сам домой / хоть избавишь ты меня от престоющей скорби о тебе / прими милый сыночек от меня почтение да от брата твоего Ивана Николаевича и супруги Марьи... почтение от сестры... брата и супруги... от детей наших почтение...». На оборотной стороне письма совсем неразборчиво, как в отчаянии, приписано о «проклятой Сибири» и даже уже не просьба, а крик, чтобы сын вернулся. Поверх данного письма другим почерком было написано о смерти Михайло Николаевича³⁸.

Читая литературу по истории эмоций с желанием увидеть путь к интерпретации казуса, везде наталкиваешься на формулу соотношения казуса и принятого в обществе на том или ином этапе поведенческого канона. Как же быть с вневременным чувством, неизбежно присущим любым социальным категориям – с родительской любовью? Может ли это чувство нести в себе след эпохи или социального происхождения? Был ли присущ низшим категориям населения России некий пассивный фатализм, отчасти связанный с христианским смирением, отчасти с многотрудной повседневностью? В двух приведённых письмах практически отсутствуют привычные стереотипы. Они очень личностны и субъективны, отчасти ситуативны. Но если, к примеру, М.Л. Абрамсон, анализируя семейные заботы флорентийки XV века, устанавливает определённую схему *parentado*, состоящую из ряда концентрических кругов со сложными связями и отношениями, то семейный круг в нашем случае только угадывается, стереотипы, связанные с большой патриархальной семьёй нарушены. В то же время, если героиня статьи М.Л. Абрамсон незаурядна (она – автор десятков писем³⁹, не имеющих аналогов в среде ее современниц – женщин данного круга), то в нашем случае мы имеем дело с заурядными мещанами, но их незаурядность – в одном письме, случайно дошедшем до нас в составе делопроизводственных бумаг.

Как нам кажется, следует солидаризироваться в вопросе интерпретации казуса с позицией, высказанной Ю.Л. Бессмертным, о том, что «сталкиваясь с индивидуальным... следовало бы осмыслить в нём то,

³⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 621. Л. 215-217.

³⁹ Абрамсон. 2000. С. 66-67.

что составляет его собственную специфику и что не вмещается в массовое и повторяющееся... Наиболее непосредственно это можно было бы увязать с исключительной вариативностью внутренней организации каждого индивида, с изменчивостью его психофизических черт, бесконечным многообразием его жизненных обстоятельств»⁴⁰. Индивидуальная эмоциональная реакция мещан в их переживаниях семейной разлуки исключительно выразительна и связана с таким острым чувством как любовь. «Сердце рвётся», «надрыв», «тоска» – вот тот эмоциональный фон, который в случае родительского сердца не знает сословной специфики, но в культурном ареоле российского мещанского текста приобретает бесхитростные, литературно не завуалированные черты.

Третье письмо носит эмоционально совершенно противоположный характер. Над ним не встаёт призрак смерти или тюрьмы. Оно подчёркивает достаточно крепкую связь детей с родителями и постоянную опеку со стороны родителей по отношению к детям:

«Милая моя маминька! / Авдотья Петровна! Письмо Ваше для меня весьма приятнейшее имею удовольствие получить и билет / приношу Вам мою Усердную благодарность / Желаю Вам от Всевышнего творца здравия счастья и всех благ на свете / свидетельствую вам искреннее почтение / Цалую / Любезному моему братицу Григорию Герасимовичу моё искреннее почтение с пожеланием всех благ для света и всем моим родственникам моё Душевное почтение / Уведомляю Вас что мы живём теперь с супругой Авдотей Герасимовной в разлуке ибо ей барин дал годовой паспорт и она живёт от меня в 100 верстах...в таком случае прошу вас милый мой братец Григорий Герасимович съездите сами в Самару и узнайте пожалуйста...могу ли я в случае отойти от своего барина ибо мне барин говорит что я...не могу отойти от него 10 лет о чём усердно прошу вас узнайте пожалуйста повернее / За что остаюсь вам весьма благодарен и надеюсь отдать вам в благодарность билет мой для...в Самарскую городскую думу / Яков Васильев май 12 дня 1859 г.»⁴¹.

Из записки мещанского старосты в думу проясняется, что Яков Васильев, бывший дворовый человек, отпущенник господина Васикова, был причислен указом казённой палаты от 26 июня 1858 г. в самарские мещане, но бывший хозяин не отпускал его в Самару.

«Я» в моём семействе»

Я (исследователь) – и документы (исторические источники, выявленные на протяжении года работы с фондами городской думы, духовной консистории и мещанской управы). Авторы сборника «Российская империя чувств» видят перспективу историко-эмоциональных исследований в разработке «новой “герменевтики тишины”, или “герменевтики

⁴⁰ Бессмертный. С. 18-19.

⁴¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 33. Л. 280-282.

чтения между строк”, то есть герменевтики, сосредоточенной на микроуровне текста и замечающей малейшие изменения языковой логики»⁴². Сюжеты есть, но я прислушиваюсь к междустрочью. От мещанских текстов доносится всё более различимое местоимение «Я». «Я» – как стержень той части социальной реальности, которая определялась частным пространством семьи. «Я» и моя семья – как ощущение тыла, защищённости, и в то же время того чувственного пространства, которое само нуждается в защите. Давайте вместе экзистенциально прислушаемся:

«В 1856 г. родитель мой, самарский мещанин Тимофей Фёдоров Шишкин, содержащий молоканскую секту, по неизвестно чьим проискам, был взят в городскую полицию и содержался под арестом, при чём отобрали от него Библия... Ныне, по смерти моего родителя... я осмеливаю покорнейше просить... о возвращении мне означенной Библии...»⁴³; «Бугурусланская городская ратуша объявила мне и детям моим, сыновьям... с их жёнами отношение благочинного протоиерея Кувацкого... о том, чтобы я с детьми моими в течение полугода каждый день являлась к нему ...для увещания нас об обращении к православию ...я и дети мои у благочинного Кувацкого на увещание быть не можем потому что они с мужем моим... имеют разные неприятности..., посему немудрено, что протоиерей Кувацкий в отпущение мужу моему, при увещании меня и детей моих, вместо духа кротости употребляет строгость или что другое неприличное...»⁴⁴; «Я, Ирина Кузьмина, имею при себе родного сына незаконнорождённого Агаша...»⁴⁵.

Употребление местоимения «Я» в документах подобного рода было всего лишь формой делопроизводственного этикета, но в то же время «Я» как бы утверждает за собой социальное пространство. У кого же нет семейства, у того нет «Я», тот заменяет семью властью, обращаясь к ней за защитой, устанавливая «единокровный» диалог:

«Дозвольте Ваше Высочество объяснить Вам мои бедственные и неожиданные последствия... (из письма самарского мещанина В.И. Дьячкова к самарскому городскому голове М.И. Назарову)»⁴⁶; «Милостивый государь Лев Алексеевич! решился особу Вашу побеспокоить потому что не имея в Самаре родственников и знакомых сделайте милость не оставить меня своим покровительством... (из письма мещанина Чаплыгина городскому голове Умнову)»⁴⁷.

Серединное положение с точки зрения эмоции уверенности «в тылах» занимают письма тех мещан, которые находятся на чужбине, вырванные из привычного локуса:

⁴² Российская империя чувств. С. 35-36.

⁴³ ГУСО ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1091. Л. 2(Об).

⁴⁴ Там же. Д. 1096. Л. 19-19 (Об.)

⁴⁵ Там же. Ф. 170. Оп. 6. Д. 396. Л. 1.

⁴⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 493. Л. 48.

⁴⁷ Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 1033.

«Милостивый Государь Лев Алексеевич / Мы Фалимон владимиров и моя маминька Марфа Ивановна просим Вас бути так добры для нещасных нас дайте увольнение моей маменьки Марфе ивановой...буте так добры пришлите как можно скорее (паспорт – 3.К.) Пришлите нам в г. ...Тобольской губ.»⁴⁸.

«Аленький цветочек»: любовь отца к дочери

Самарский 75-летний мещанин Тит Андреевич Кожевников написал городскому голове «покорнейшее прошение» о помощи во внутрисемейных делах, из которого нам немного приоткрывается «дверь» в частный мир отдельно взятой мещанской семьи в субъективном восприятии автора прошения. Выбор данного документа обусловлен сильным эмоциональным переживанием, чувством обиды на домочадцев. Трудно определить кто прав, а кто виноват в данной семейной ситуации. Общечеловеческий опыт подсказывает, что опасно жениться на слишком молодой женщине и при этом привечать в доме молодого зятя, а также отдавать свой бизнес детям, рассчитывая на их благодарность. Кстати, в этом отношении показательна притча о птицах, рассказанная еврейской женщиной конца XVII в. Гликль бас Иуда Лейб своим детям, мудрость которой заключается в том, что родители, терпя муки из-за детей, не могут рассчитывать на их благодарность, но дети могут им пообещать сделать для своих детей столько же добра, сколько им сделали их родители⁴⁹. На пространное письмо Тита Андреевича, городской голова Гладков, заняв, по-видимому, также не его сторону, ответил, что данное дело не в его компетенции, «пусть обращается куда следует».

Тит не знал притчу о птицах и, имея хороший бизнес, женился вторым браком на молодой женщине Прасковье Николаевне. В этом браке у него родилась любимая дочь Аграфена. Когда пришло время выдавать её замуж за коллежского регистратора Александра Поцынкова, Тит дал в приданое *«ради родительской любви моей к дочери» «на 3200 рублей ассигнациями»*. Жена, Прасковья, вскоре убедила Тита, что дочери необходимо *«дать средства на существование»*.

«Я передал зятю, – жаловался Тит в Думу, – лавку мою, находящуюся на Троицкой площади, с кожевным товаром на 4 тысячи рублей ассигнациями с тем, чтобы зять заплатил за настоящий 1863 г. в Думу следующий поземельный акциз 12 рублей серебром, а в течение следующих трёх лет, таковой акциз вносить я принимал на свою обязанность, а зять мой должен только уплачивать мне за товар мой, по успеху торговли и кончить совершенно оплату непременно до конца 1867 г. Напротив, вопреки ожидания моего, зять, начав торговлю собственным моим товаром и в моей же лавке, вместо благодарности за доставленное ему истинно ве-

⁴⁸ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д. 26. Л. 1403.

⁴⁹ Дэвис. 1999. С. 13.

ликодушное **благодеение** моё, ...стал делать мне разные **огорчения**, именно: а) по многократным моим настояниям, не уплачивал акцизные за лавку..., отзываясь сначала неимением денег, а потом решительно сказал, чтобы я к нему не обращался более... я вынужден был внести акцизные деньги сам...б) он, зять мой, вероятно с давно задуманной целью, чтобы воспользоваться всем нажитым, собственными **многолютыми** моими трудами достоянием, под предлогом настоящей старости моих лет, а главное, как я знаю в душе моей, чтобы устранить от участия в оном родного моего сына Василия от первого брака, сумел преподать свои советы второй моей жене – выше поименованной Прасковье Николаевой, и таким образом, соединяясь вообще делами мне **невynosимые оскорбления**, в особенности жена моя, ибо она при результате своей жизни, действуя по наущению зятя – как я это разумею, на каждом шагу старалась и доставляет мне одни только **самые грубые и нестерпимые дерзости** до того, что забыла долг свой перед законом Божьим и гражданским, публично и всенародно поносила меня и сына моего Василия на базаре, всевозможными бранными словами и названиями, а в доме дозволила себе, во-первых, восстановить против меня даже меньшую дочь мою 15-летнюю Федосью, и внучку дочь сына Василья Лукерью, доведённую женой моей, по ея вредному наизадью до развратного положения, которья, то есть дочь Федосья и внука Лукерья, следуя настоячивым приказаниям жены моей, так же как и сама она делали мне **бесперывные дерзости, ослушания и оскорбления**; во-вторых, за напоминания мои о неприличном поведении ея и беспорядках в хозяйственном быту моём, она, жена моя, **осмелилась вцепиться в мою старую бороду, угрожая при том задушить меня, потому что я много уже древен летами, а она гораздо моложе и сильнее меня, и в-третьих**, надеясь вероятно на поддержку со стороны зятя, а не менее и на пригласённого ею без моего согласия для квартирования в нижнем этаже моего дома ея племянника самарского мещанина Никифора Крисанфова с женою его, человека неблагонамеренного и вредного обществу, потому что он двукратно подвергался суждению за фальшивые деньги и за кражу часов и сидел за это 6 месяцев в остроге. Моя жена дошла до того, что силой выгнала меня из собственного моего дома под предлогом, что купчая крепость на дом по моему **добросердечному желанию** была совершена на её имя, причём захватила и удержала у себя всё имеющееся в доме собственное моё имущество...на сумму 298 руб. 44 коп. серебром. Обо всех этих **обидях и оскорблениях при древних моих летах** я заявил... здешней городской полиции... в) после таких проявлений, неслыханных мною до сего дня, чтобы жена, дети и внучата осмеливались когда либо безнаказанно **восставить** противу главы своего семейства, полного хозяина и властелина своего дома, – я снова обратился к зятю моему с требованием **отдать мне полный отчёт по торговле его в моей лавке и моим товаром**... но он окончательно отозвался, что знать меня не хочет и, чтобы я более к нему в лавку не приходил, а иначе он проведит меня по швам. Претерпев такие **невыразимые для меня обиды и оскорбления**, я остаюсь теперь в опасении, что зять мой... растратит весь переданный ему товар мой, и потому не желая лишиться нажитого многолетними тру-

дами имуществва и подвергнуться разорению единственно по проискам и злomu намерению жены моей и зятя, я осмеливаюсь прибегнуть к покровительству Вашего степенства и всепокорнейшее прошу не лишить меня вашей справедливой милости...»⁵⁰.

Тит был безграмотным, за него писал отставной штабс-капитан, чем объясняется стиль прошения. Н. Дэвис в своём исследовании справедливо отмечает: «От центров власти и иерархических структур нельзя отделиться полностью»⁵¹. Тит оказался вписанным в пространство не только местной самарской власти, к которой он столь эмоционально апеллирует, но и в пространство внутрисемейных властных отношений, в котором молодая жена, хитрый зять, мошенник – родственник жены, разгульная внучка – образуют такую корпорацию силы, с которой Тит не в состоянии справиться. Даже если предположить, что он – зануда и крохобор, а «бунт на корабле» имеет под собой законные основания, Тита жалко. В противоборстве с властью он, как слабый персонаж, оказывается в проигрыше, даже городской голова предпочёл с ним не связываться. Данный эмоциональный накал страстей свидетельствует о том, что не всё благополучно с патриархальной нравственностью в мещанском семействе. Женщины, попирая весь строй семейного быта, встают «у руля» интриги и принимают решения в пользу своих симпатий и своекорыстных интересов. Тит, который вероятно был хорошим дельцом, раз нажил приличное состояние, тем не менее, оказавшись в какой-то момент в плену своих нежных чувств к жене и дочери, теряет всё нажитое и оказывается в 75 лет у разбитого корыта. *Emotio* побеждает *ratio*.

Подводя итог анализу эмоционального мира мещанской семьи в середине XIX столетия, следует отметить, что, безусловно, эмоции следует рассматривать как часть сложного социального процесса превращения горожанина традиционной культуры в человека Нового времени, подверженного всем влияниям открытой городской культуры: моде на чувствительность, маргинальную авантюристичность текстов поведения, эмансипацию в форме «мещанской драмы», чрезвычайную незащищённость против соблазнов городской жизни и страсть по «потерянному раю» патриархальных семейных устоев.

Сын пишет маменьке, отец – сыну, мещане позиционируют своё семейное «Я» в обращениях во власть, и, наконец, бедный Тит просит защиты – эмоциональное поле чрезвычайно напряжено, система нестабильна, всё свидетельствует о наступлении новой эпохи со всё убыстряющимся темпом жизни, с новым ее стилем.

---

⁵⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 621. Л. 603-604 (Об.).

⁵¹ Дэвис. 1999. С. 245.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГУСО ЦГАСО / Государственное управление Самарской области. Центральный государственный архив Самарской области.
- Абрамсон М.Л.* Александра Строцци и её семья (Флоренция, XV век) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени // Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 2000. С. 29-69.
- Бессмертный Ю.Л.* Метод // Человек в мире чувств. М.: РГГУ, 2000. С. 16-26.
- Бухараев В.М.* Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2000. С. 19-33.
- Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М.: Центрполиграф, 2001. 443 с.
- Гончаров Ю.М., Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2004. 206 с.
- Дзюс Н.З.* Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М.: НЛЮ, 1999. 400 с.
- Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2007. 408 с.
- Кофман А.Ф.* Аргентинское танго и русский мещанский романс // Литература в контексте культуры. М.: МГУ, 1986. С. 220-233.
- Куприянов А.И.* Русский горожанин конца XVIII – первой половины XIX века (по материалам дневников) // Человек в мире чувств. М., 2000. С. 120-146.
- Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 480 с.
- Лотман Ю.М.* беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Республика, 1997. 382 с.
- Лявский А.Б.* Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб.: МИЭП, 2010. 384 с.
- Маяковский В.В.* Маруся отравилась («Из тучки месяц вылез...») // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955-1961. Т. 8. 1958. С. 188-195.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
- Овчинникова Ю.А., Рожковский В.Б.* Эстетика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
- Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Очерки бурсы. М., 1981. 288 с.
- Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М.: НЛЮ, 2010. 511 с.
- Русские народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1958.
- Треvelьян Дж.М.* История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001. 624 с.
- Чернов Г.* Сибирские письма декабриста М.Ф. Митькова // [http:// Decembrists.krasu.ru/index.html](http://Decembrists.krasu.ru/index.html) (Дата обращения: 16.10.2012).
- Кобозева Зоя Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории Самарского государственного университета; zoja_kobozeva@mail.ru